

ДМИТРИЙ ВОДЕННИКОВ:

«Я не забыл,
ЧТО Я ПОЭТ»

НЕ ЧЕЛОВЕК, А ЦЕЛЫЙ МИР. В КОТОРОМ ЖИВУТ САМЫЕ ЯРКИЕ ЭМОЦИИ, САМЫЕ СИЛЬНЫЕ ЧУВСТВА, САМАЯ СЛАДКАЯ БОЛЬ И САМЫЙ ЧЕРНЫЙ СТРАХ. У ВОДЕННИКОВА ВСЁ – «САМОЕ», СЕРЫЕ КРАСКИ НЕ ДЛЯ НЕГО, ГЛАЗ НЕ НАСТРОЕН НА ЭТОТ ЦВЕТ. ЗАТО ВИДИТ ТО, НА ЧТО ДРУГИЕ НЕ ОБРАТЯТ ВНИМАНИЯ, ПРОЙДУТ СТОРОНОЙ. ОН УМЕЕТ ЖИТЬ В СВОЕМ МИРЕ. НО СЧИТАЕТ СЕБЯ МЕРТВЫМ. МЕРТВЫМ ПОЭТОМ...

Текст: Дмитрий Мельман

Дмитрий, сейчас время поэзии, как считаете?

Я говорю о том, что наступило время поэзии, уже начиная с 90-х годов.

Судя по всему, вас не сильно в этом поддерживают. Нет ощущения, что не в то время родились? Все-таки слава поэтов 60-х годов нынешним и не снилась.

Нет. Потому что мне кажется, то время, как это ни парадоксально, было лживое.

Это почему?

Да нет, Вознесенский, Евтушенко и Ахмадулина – первые поэтические поп-звезды. Серебряный век даже отдыхал по сравнению с их славой – Блок не собирал «Лужники»,

как собирали эти поэты. И наше время, как мне кажется, больше похоже на Серебряный век. А что касается 60-х... Понимаете, когда живешь при королевском дворе, ты должен играть по правилам. Должен быть то Веласкесом, а то карликом, которого Веласкес рисует. Я бы не хотел жить при королевском дворе. Я бы не хотел, чтобы Хрущев кричал на меня, как он кричал на Вознесенского. Я вообще не хочу, чтобы на меня кто бы то ни было кричал.

Зависимость — беспорно, но ложь этих поэтов в чем заключалась?

Понимаете, когда у тебя слишком большая аудитория, ты не можешь об этом забыть

и начинаешь немножко под нее подстраиваться... Я в свое время был у друга в Израиле, мы возвращались в Иерусалим, и он в машине поставил Высоцкого. Полчаса я слушал Высоцкого и понял, что слушать его невозможно. Потому что он совершенно... перепедалирован, если понимаете, что я имею в виду. У пианино, фортепиано есть педаль: нажимаешь – и возникает эффект реверберации...

А Высоцкий пережимал педаль?

Да. Во всем. В тексте – это был все время пережатый текст,

с надрывом; в манере исполнения, в подаче, в тематике, которую он выбирал. И это, конечно, стало для меня откровением. Я подумал: в какое же странное время мы жили! И ужаснулся. Насколько же перекручена была наша ментальность, что вот такую странную, измученную, перекрученную историю мы могли воспринимать как очень естественную. Вспомните Беллу Ахмадулину: «Как долго я не выпалась, писала медленно, да зря. Прощай, моя высокопарность! Привет, любезные друзья!» Разве это не пережатая педаль? Про Евтушенко и Вознесенского можно сказать то же самое.

И такой способ выражения вам чужд?

Да ну что вы! Я так люблю Ахмадулину! Вряд ли бы так любил ее, если б она была мне чужда. Но лживость есть. Даже не лживость, а некая вздернутость. Это, знаете, как первое свидание. Вы приходите, и вам нравится этот человек. И чем больше он вам нравится, тем больше вы стараетесь казаться лучше, интереснее, ярче, чем на самом деле. Я не

могу сказать, что вы врете. Но вы немножко переживаете себя. И когда очень много свидетелей... читателей, слушателей, хотя мне больше нравится «свидетелей», ты как бы невзначай очень сильно себя переживаете. Это закон. Но я не могу сказать, что это не мое – и мое тоже. Я, может быть, никогда не стал бы об этом говорить, если б не болел теми же самыми «чумками» и «свинками». Болел и болю до сих пор. Поэтому я отлично ставлю диагнозы.

Но если все же о времени. Сейчас оно ваше или чужое?

Для меня никакого времени не подходящее, потому что я уже конченый. Я мертвый поэт, достаточно пожилой человек и, в принципе, уже должен умирать. Почему конченый? Потому что я не пишу больше. Да, уже три года...

Сознательно? Или просто не рождается?

Ну, как «сознательно»? Представьте, что вы сознательно решили больше не заниматься сексом...

Я, может быть, никогда не стал бы об этом говорить, если бы не болел теми же самыми «чумками» и «свинками»

Встречаются такие люди.

Да. Но рано или поздно, ночью, когда вы спите, у вас произойдет семяизвержение. Это называется «мужская поллюция», и она не контролируется во сне. Вот так же не контролируются и стихи, если они есть, если они должны быть.

А у вас поэтическое семяизвержение закончилось?

Закончилось.
Это не привело к разочарованию в жизни?
Это не привело меня ни к какому разочарованию, потому что жить можно... например, для любви. Был такой советский фильм про Паганини, многосерийный, и там был момент, коллизия, что Паганини – этот гений, виртуоз – вдруг куда-то исчез. На год или на три. Все пытались выяснить, куда же он пропал. Потом Паганини сказал, что выращивал тюльпаны. На самом деле он не выращивал тюльпаны – по версии создателей фильма, у него просто была женщина, которую он любил. Которая потом не вынесла его, разлюбила, бросила. Но эти три года – были! И человек, который, по общему мнению, продал душу дьяволу, чтобы так играть на скрипке, был способен предать эту скрипку ради того, чтобы любить. Мне кажется, это достаточно хороший вариант.

А с вами какая коллизия произошла?

Когда перестал писать, у меня началась самая лучшая за последний период... а может,

вообще за всю мою жизнь любовная история. Я был... не то что счастлив, я был очень полон. Ну, а потом я умирал. Потому

что пошли чередой мои больницы, у меня было кровоизлияние в мозг, и все прочее. Это очень сильно заняло мое внимание. Хотя, вы знаете, самое смешное, что когда я лежал на каталке, уже потерял память, последнее, что я запомнил, – это то, что я поэт. Даже сказал об этом своему зав. отделения. Я стонал, потому что очень сильная была боль. А он подошел и грубо сказал: «Что вы тут стонете?» Вот, кажет-

ся, да – к тебе подходит врач, бог по большому счету... Но я не выношу такое обращение. И я сказал свою знаменитую фразу: «Не смейте со мной так разговаривать, я известный поэт, а вы всего лишь какой-то врач». Это было, конечно, чудовищно... Но вспомнил я эту историю только потому, что хотел сказать: я не забыл, что я поэт.

И сейчас это ощущение осталось?

Я помню, что я колдун, помню, что я маг. Мне кажется, что стихи, если они настоящие, – это магия, условно говоря. И если у тебя рождаются стихи, ты волшебник, ты чародей. Ты обладаешь, извините за пошлость, какой-то суперсилой.

Мне кажется, что стихи, если они настоящие, – это магия, условно говоря. И если у тебя рождаются стихи, ты волшебник, ты чародей

Забуть об этом невозможно. Если ты был человеком-пауком и прыгал по стенам небоскребов, а потом утратил способность, у тебя больше не выделяется эта липкая нитка, позволяющая выдержать вес собственного тела, ты можешь об этом не жалеть. Но ты не можешь об этом забыть. Это как с любовью... Вы знаете, меня всегда поражает: почему, когда расстаемся с человеком, все, что остается от любви, — это, как правило, пепелище? Почему с человеком, которого сильно любили, мы не можем сохранить нормальную дружескую связь? Почему все превращается в выжженную напалмом землю?.. Наверное, потому что любовь — это как стихи. Это как та нитка, которая позволяет тебе держаться на стене небоскреба. И когда эта суперсила тебя покидает, ты можешь плываться, но твоя сплюна уже не будет магической, она не будет превращаться в паучью нить. Наверное, этого мы не можем вынести и простить человеку, с которым расстаемся. Не можем простить того, что и человек стал обыкновенным, и нас сделал обыкновенными.

Как изменилась ваша жизнь с тех пор, как перестали стихи рождаться? Чем теперь живете? Во-первых, я живу людьми. Это правда. Причем живу самой лучшей разновидностью людей — виртуальной. Мне очень нравятся сейчас социальные сети: мы шутим вместе, придумываем странные, смешные, почти сказочные истории. Или, например, нравится идти по городу и снимать. Мне подарили айфон, и теперь я снимаю крыши, дома, фасады, людей. Недавно увидел потрясающей красоты девушку, она еще и одета была

потрясающе, мне так захотелось ее снять. Я просто не посмел... Я живу этим, живу тем, что путешествую. Меня зовут читать, несмотря на то что я мертвый поэт, в Латвию, Германию, Италию. То есть я очень хочу видеть города, я хочу путешествовать... Вот этим, в принципе, и живу.

Вы можете назвать себя романтиком?

А вы знаете, что такое романтика? Не то, как изображают, что девушка сидит и смотрит на камин немигающим взглядом. Вы знаете, что такое настоящий романтизм? Это, прежде всего, наличие двоемирия. Что такое двоемирие? Первый — обычный обывательский мир, и второй — возвышенный. Но возвышенный — не обязательно красивый, он может быть и трагическим...

Мне кажется, тонкие души — они действительно очень сомнительны. Я вообще — за яростные души. И за цельные души

А вообще, на самом деле, мне не очень нравится слово «романтика», и я, конечно, совершенно не романтик. У меня есть двоемирие. Но романтик — это все-таки человек, который, по моему мнению, живет какую-то нереальную жизнь. Мне кажется, нет ничего ужаснее, чем жить нереальную жизнь. Мне кажется, это стыдно. Особенно мужчине... Поэтому я не романтик. Я просто человек, который действительно видит много чудесного в обыденной жизни.

Как же это тогда называется?

Давайте тогда скажем: не «чуждое», а «пронзительное». Тогда я отказываюсь от своих слов — я не вижу чудесное, я вижу пронзительное... Такую вам историю расскажу — она меня очень сильно задевает, ранит. Это произошло в Японии. Было очередное какое-то большое землетрясение, спасатели разбирали завалы. Увидели женщину. Мертвую — у нее был пробит затылок. Но она очень странно лежала, как будто что-то закрывая собой. Спасатели подняли эту женщину и увидели, что она обнимает ребенка, младенца, завернутого в кулек. И что ребенок жив. И они находят в его одежде мобильный телефон. Там есть только одна sms: «Если ты выживешь, помни, что я любила тебя»... Вот вы задали вопрос: что меня поражает? Меня поражает эта пронзительность. Какой это, нафиг, романтизм? Где кровь, где мертвое тело. Но когда ты в последний момент думаешь

не о себе, а о том существе, которое ты спасаешь... И ведь подумайте, какая потрясающая фраза: «Если ты выживешь, помни, что я любила тебя». Вот, собственно, что меня очень сильно сейчас занимает... И это не романтизм. Это пронзительность мира.

Вы — человек, тонко чувствующий...

Это неправильно. Я — человек, яростно чувствующий. Есть такой замечательный поэт... был, он тоже сейчас не пишет — Дмитрий Соколов, вы его знаете как журналиста Соколова-Ми-

трича. У него есть такая строчка в стихотворении: «Тонкая душа — подлее не бывает». Почему-то мне кажется, все тонкие души — они действительно очень сомнительны. Я вообще за яростные души. И за цельные души. Потому что тонкость всегда можно помять, сделать из нее салфетку-макраме, оригами. А из прута стального оригами не сделаешь. Вот я бы хотел все-таки оказаться с прутом, а не с оригами.

Но и яростно чувствующему человеку, наверное, непросто

жить сегодня. В циничное время алгоритмов, расчетов, выверенных шагов. И в это время вы продолжаете жить страстями? А я думаю, что страсти не исчезли из нашей жизни. Вернемся, например, в ваши любимые 60-е. Мы же понимаем, что тогда были не только Вознесенский с Ахмадулиной, были еще обычные барыги-спекулянты, которые очень прекрасно существовали в той системе...

Так что я не думаю, что здесь что-то принципиально менялось. И что наше время более циничное, чем какое-то другое. Я вижу в социальных сетях много потрясающих и необычных людей, и то, о чем вы говорите, абсолютно неприложимо к ним. Подумайте, например, о том, что в наше довольно-таки сытое время люди тем не менее нашли возможность выходить по тем или иным причинам на улицу. Что их толкает на это? Они выходят не за деньги и не потому, что их плохо кормят – их хорошо кормят. Они выходят потому, что у них есть такая потребность, потому что в них живет закон нравственности.

Вы знаете, романтические герои вызывают у многих россиян если не ненависть, то уж точно раздражение.

К сожалению, ничего хорошего о нашей стране это не говорит.

Об этом еще Михаил Юрьевич Лермонтов писал: «...Страна рабов, страна господ. И вы, мундиры голубые, и ты – им преданный народ». Вот, собственно,

что это говорит о нашей стране. Мне, конечно, от этого ужасно плохо, потому что я живу в этой стране, люблю эту страну. Со всеми ее недостатками, в том числе и с ее дремучестью. Я точно такой же дремучий, как то большинство, про которое вы сказали. Просто иногда я умею прыгать через себя. Но вообще это очень страшно на самом деле. Потому что мы живем в какой-то системе огромной ненависти. Иногда мне кажется, это ненависть к самим себе.

Начали за здоровье, а заканчиваете за упокой.

Кстати, вы понимаете, когда рождаются романтические герои? Они рождаются тогда, когда общая среда совершенно не романтическая. Она как раз филистерская, обывательская, холодная...

Так это лучшее время и для поэтов.

Да, наверное... Но у меня есть еще такая мысль. Я думаю, что очень сильно все течет и меняется... Еще 30 лет назад мысль о том, что мы можем сидеть дома и общаться с людьми из разных стран, отдаленных от нас на тысячи километров, была невозможна. Вы понимаете, какой произошел огромный скачок? Вы понимаете, что нас сейчас от этого корежит? Потому что вокруг все скакнуло, а мы с вами сидим еще в XIX веке и картошку чистим.

А вы ощущаете себя революционером?

В свое время – да, ощущал. А сейчас... Сейчас меня больше занимает другое. Вы знаете, у меня есть поэма «Небесная лиса улетает в небеса». Я ее не дописал, но у меня уже сложился образ конечный. Когда летит герой... То есть я лечу

со своей собакой, с таксой Чуней. Лечу еще с несколькими людьми, которых, по-видимому, убило взрывом. И они постепенно отлетают от меня. Вот и собака отлетает. Я остаюсь один в тумане... И я очень хотел бы описать этот страх, когда ты остаешься один и у тебя нет свидетеля. Тебе даже некому не то что рассказать, – показать, как ты умираешь. Мне кажется, это ужасная смерть. Умереть в подвале, умереть на безлюдной планете. И остаться без свидетеля. Это одна из самых страшных моих фобий... Когда мне казалось, что я умираю – лежал под наркозом, мне сверлили голову, – я не чувствовал боли. Но у меня было такое видение, будто я лежу в каких-то барханах под про-

Я хочу, чтобы люди жили в мире, который заточен под человека. Не под догму, а под реальную человеческую сущность

стыней. Огромная-огромная простыня, натянутая до горизонта. И тут я понял, что задыхаюсь. Я покатился по этой мягкой, переваливающейся барханно-пустынной пустоте, свалился в какую-то лунку, закрыл глаза. И вдруг увидел лицо человека, которого любил. Именно лицо. И, чтобы не сойти внутренне с ума, стал говорить: «Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя...» И вот то, что я произнесил бессмысленные, как мантра, слова, меня спасло. Это было удивительно... И вот больше всего я боюсь умирать (а возможно, я так и буду умирать) в одиночестве. Когда один останусь в этой пустоте. В пустоте черепа, внутри собственного видения. И там никого не будет. И мне некому будет повторять: «Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя...» Вот об этом я хотел написать в одной из последних глав «Небесной лисы».

То есть внешний мир гораздо меньше вас интересует, чем мир внутренний, индивидуальный?

Нет, так нельзя сказать. Меня очень интересует этот мир – правда, я очень хочу, чтобы Россия переболела этой «ветрянкой». Я очень хочу, чтобы мы перестали быть настолько дикими. Я хочу, чтобы мы сделали для людей что-то, чтобы они жили в мире, который заточен под человека. Не под догму, не под православие, не под фашизм, а под реальную человеческую сущность. Которая должна жить, не причиняя вреда другим человеческим сущностям. Научиться разговаривать с другими сущностями не на языке ультиматума, а на языке толерантности.

А почему вы считаете, что поэт в вас не возродится?

Я поднимаюсь – надеюсь, что не опускаюсь. А на этой ступеньке я уже был.

А идеал тогда что? Верхняя ступенька?

Я бы хотел... стать просветленным. **GLANCE**

